

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (58)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (58)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

- Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

- Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Позаненко А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000
E-mail: apozenenko@hse.ru

ВОСПРИЯТИЕ ЧЕЛОВЕКОМ СВОЕЙ РОЛИ В ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДЕ. ПАРАДОКС ПРИМОРЬЯ

На восточном побережье Приморья зафиксировано не характерное для селян самовосприятие в окружающей природе — в качестве «воров» природных ресурсов. В связи с этим предложена типология базовых восприятий своей роли в природе жителями городов и сел. На основе полевых материалов обсуждаются три основные причины «приморского парадокса»: слабая укорененность населения, насыщенность пространства чужаками, плотное взаимодействие местных жителей с контролирующими инстанциями.

Ключевые слова: Приморский край, Дальний Восток, отношение человека к природе, природопользование, присваивающая экономика, сельская местность.

Введение

Значительная часть селян в слабозаселенных районах Севера, Сибири и Дальнего Востока живет в окружении природы, в тесной связи с ней и во многом за счет использования возобновляемых природных ресурсов. Исследователи пишут о разных аспектах взаимоотношений жителей этих частей страны и природы: о традициях [Рындина и др., 2018], верованиях [Сем, 2016], природопользовании [Давыдов, 2019], об этике природопользования [Симонова, 2016], о значении природы для человека [Абрамов, 2017] и его влиянии на нее [Шевляков, 2013]. При этом в литературе практически не освещено, как люди позиционируют себя по отношению к окружающей природе, как они себя в ней воспринимают. Если такой вопрос и затрагивается, то преимущественно на примере коренных народов; восприятие себя в природе населением конкретных территорий без этнической привязки почти не попадает в исследовательский фокус.

Для меня этот вопрос также не находился в центре внимания, пока в ходе экспедиции, посвященной исследованию неформального природопользования в Приморском крае, мы не столкнулись с тем, что некоторые информанты характеризовали себя совершенно непривычным образом — они называли себя «ворами», говорили, что «крадут» природные ресурсы — рыбу, дичь, дикоросы. Ни с чем подобным я не встречался ни в собственных экспедициях, ни в литературе, ни в беседах с коллегами. В статье делается попытка на основе полевого опыта объяснить такое, казалось бы, парадоксальное для сельского жителя самовосприятие.

Восприятие себя в окружающей природе: от «постороннего» до «сына»

Много лет проводя в разных регионах социологические исследования по темам, связанным с природопользованием, и просто регулярно слушая, что люди говорят о природе, я сделал вывод, что для жителей разных видов населенных пунктов характерны разные типы восприятия своей роли в окружающей природе, или самовосприятия в природе. Представление о самовосприятии складывалось и из субъективного отнесения человеком себя к той или иной категории, и из косвенно подтверждающих (или опровергающих) это его высказываний. Речь будет идти о доминирующем самовосприятии (очевидно, что ситуативно человек может прибегать к практикам, более характерным для людей с иным самовосприятием, что не значит какого-либо изменения в этот момент его собственного доминирующего самовосприятия).

Представляется, что для жителей крупных городов можно выделить четыре основных типа самовосприятия: *посторонний*, *гость*, *пользователь* и *охранник*. К *посторонним* можно отнести весьма значительную группу, для которой природа — что-то непонятное за пределами города, чужое, иногда враждебное (там клещи, комары, паутина, опасные звери, можно заблудиться). Такие люди на природе не бывают, о ней практически не вспоминают и не думают, она является темным пятном на периферии их картины мира. *Гостями* себя воспринимают люди, выезжающие на природу, но физически ничего от нее не берущие: шашлычники, гуляющие, лыжники и другие спортсмены, туристы [Родоман, 1981]. *Пользователями* можно назвать людей, которые добывают природные ресурсы, считают себя вправе это делать и признают такое

право за другими, в том числе за чужаками. Это рыбаки-любители, охотники-любители, грибники, собиратели ягод и других дикоросов. К *пользователям* можно отнести большинство дачников. У слова «пользователь» в данном случае совершенно отсутствует отрицательная коннотация, речь не идет о нещадной эксплуатации природы и потребительском к ней отношении. *Охранниками* природы считают себя люди, осознанно стремящиеся минимизировать вред, причиняемый природе человеком вообще или хотя бы лично ими. Это разного рода экоактивисты, поборники сортировки мусора, противники бытовой химии и пластиковых пакетов, сторонники органического земледелия и сокращения потребления.

С учетом предложенной типологии единственным значимым пересечением для горожан и сельян является восприятие себя как *пользователя*. Оно же — базовое восприятие своей роли в окружающей природе для жителей малых городов и тем более густозаселенной сельской местности. В условиях же низкой плотности населения, при которых природа и природные ресурсы играют большую роль в жизни людей, подобное самовосприятие — скорее редкость. Его можно встретить в легкодоступных и особенно в придорожных деревнях, расположенных на транзитных магистралях, где много чужаков и пространство не ощущается как присвоенное, т.е. им принадлежащее и контролируемое ими [Плюснин, 2008]. Базовыми же и более привычными для исследователей являются восприятия себя, которые можно охарактеризовать как *хозяин* или *сын*.

Хозяева считают, что окружающая природа принадлежит им и они обладают исключительным правом на использование ее ресурсов. Они утверждают, что, как и положено рачительным хозяевам, ответственно подходят к природопользованию, сберегая богатства для детей и внуков [Позаненко, 2018]. Такое восприятие типично для этнически русских сел, а также для сел с этнически смешанным населением, подвергнувшись сильному воздействию внутрисоветских миграций. Оно успело выработаться даже в части поселков, созданных уже в советское время и заселенных исключительно пришлым населением, особенно если они являются труднодоступными. *Сыновьями* природы себя, как правило, ощущают представители коренных народов, особенно в тех локальных сообществах, которые состоят преимущественно из них. В их дискурсе о бережном отношении к природе к рациональному добавляется сакральное (см., напр.: [Oehler, 2020]). Тайга (степь, горы, тундра), по их словам, населена духами и божествами, которые могут и покарать, и вознаградить. Перед охотой и рыбалкой могут совершаться различные обряды, а сам промысел, связанный с добычей возобновляемых природных ресурсов, дополнительно регламентируется. Алтайцам, например, нельзя промышлять при старой луне, запрещено охотиться на тотемное животное своего рода (сеока) и др.

И у *хозяев*, и у *сыновей* возникает фрустрация, если при сокращении численности населения и/или появлении большого количества чужаков (например, в результате строительства дороги или захода сторонних промышленников или промысловиков) они утрачивают контроль над окружающим пространством. И *пользователи*, и *хозяева*, и *сыновья* природы убеждены, что как местные жители имеют полное моральное право пользоваться природными ресурсами вне зависимости от того, законно это или нет. Браконьерами воспринимаются только те, кто, с точки зрения местного сообщества, хищнически подходит к природопользованию. Показательной является присказка, которую мы слышали на Алтае: «Продав природу, не разбогатеешь». При этом порог хищнического отношения, с точки зрения *хозяев* и *сыновей*, для приезжих гораздо ниже, чем для местных.

В Приморье же было встречено совершенно новое самовосприятие: многие информанты, высказывавшиеся на сей счет, говорили о «воровстве» природных ресурсов, причем «ворами» называли не только односельчан, но и самих себя. Люди говорят, что дровяной лес, поскольку его не выписывают в удобном месте, они «просто воруют»; рыбу «приворовывают»; лицензии сейчас очень дорогие, поэтому «ворует, кто может». Рыбак свой рассказ о том, что за сезон он добывает полторы-две тонны икры, снабдил комментарием «грабить, так грабить». Представители контролирующих инстанций утверждают, что люди «как, блин, воровали, так и будут воровать». В представлениях местных жителей природные ресурсы принадлежат государству, лично инспекторам, рыбопромышленникам, но только не им самим.

Важно понимать, что реальные практики природопользования сельских жителей, характер промысла и объемы добычи в разных локациях могут быть очень близки, речь лишь о том, как люди себя воспринимают и позиционируют. То есть, делая одно и то же, человек, например, на Русском Севере может считать себя *хозяином*, на Алтае — *сыном*, а в Приморье — *вором*. Со всем необязательно в рассказах приморцев слово «вор» имеет предосудительную коннотацию,

Восприятие человеком своей роли в окружающей природе. Парадокс Приморья

«воровство» природных ресурсов воспринимается вполне оправданным в сложившихся обстоятельствах, однако примечательно уже само использование подобной терминологии.

Возможные причины приморского парадокса

Полевые работы в Приморском крае проводились в ходе совместной студенческой учебно-исследовательской экспедиции НИУ ВШЭ и ДВФУ, посвященной исследованию неформального природопользования (сентябрь 2019 г.). Участники экспедиции, 14 человек, посетили 9 населенных пунктов одного из прибрежных районов, в которых взяли несколько десятков полуструктурированных интервью с информантами разных категорий: с промысловиками, «простыми» жителями, представителями КМНС, предпринимателями, представителями местной власти, контролирующими инстанций и охотничьих хозяйств и обществ. Продолжительность интервью — от 20–30 минут до 2–3 часов, если не учитывать ежедневное общение с проводниками и хозяевами, у которых жили участники экспедиции. Небольшая часть информантов была найдена при помощи проводников, остальных искали самостоятельно в поле. К представителям контролирующей инстанций мы приходили нацеленно, прочих находили в режиме свободного поиска, используя подворовые обходы, завязывание беседы на улице или в местах промысла, а также метод снежного кома. Исследователи, за редкими исключениями, работали в одиночку или в группах по 2–3 человека. Большинство интервью не были записаны на диктофон, так как в противном случае могло бы быть подорвано доверие информантов. Вспомогательным методом сбора материала было наблюдение, проводившееся в населенных пунктах и их окрестностях, в том числе в домах и на усадьбах местных жителей, а также в ходе двухдневного выезда в тайгу с проводниками.

Посещенную местность можно считать довольно типичной для восточного побережья Приморья по природно-климатическим условиям, набору природных ресурсов, многообразию контролирующих инстанций, плотности населения, проницаемости территории и транспортной доступности (исключением является труднодоступная северная часть Тернейского района). Это позволяет предположить, что сделанные в статье выводы справедливы по меньшей мере для прибрежных территорий протяженностью около 350 км (от устья Киевки на юге до устья Серебрянки на севере).

Основываясь на наших полевых данных, можно предложить три причины, по которым многие местные называют себя ворами природных ресурсов.

1. *Слабая укорененность населения.* По словам в.н.с. Тихоокеанского института географии ДВО РАН В.Н. Бочарникова, оказавшего содействие в организации экспедиции, для Приморья характерна слабая интегрированность сельских жителей в природный ландшафт, вызванная тяжелыми климатическими условиями, которые к тому же не являются для людей «родными» (личная беседа, 2019), поскольку Приморский край стал заселяться относительно недавно, лишь в середине XIX в., а основной миграционный приток пришелся на XX в. Представляется, что это может являться одной из причин наблюдаемой там текучки населения, которая препятствует интеграции в ландшафт и укоренению, что провоцирует опять же дальнейшую текучку. Если, например, на Европейском Севере наблюдается постепенное вымывание населения, на Алтае — естественный прирост без значительных миграционных потоков, то для Приморья, как и, вероятно, для других регионов Дальнего Востока, характерна именно «текучка», пусть и с отрицательным балансом в большинстве деревень. Местные не только перемещаются по территории, подчиняясь сезонным природным ритмам, но и сменяют место жительства, причем подобные миграции часто носят не только вертикальный (село-город), но и горизонтальный (село-село) характер. Практически в каждом населенном пункте мы встречали людей, переехавших туда недавно. Показателен пример одной из наших информанток средних лет, которая за жизнь уже успела сменить шесть населенных пунктов — в двух районах Приморского края, на Камчатке и на Чукотке. Постоянные перемещения препятствуют тому, чтобы человек привязывался к местности и укоренялся в ней. Коренным жителем деревни здесь считается тот, кто хотя бы в ней родился, что совершенно нехарактерно для староосвоенных территорий, где для этого может потребоваться смена нескольких поколений [Плюснин, 2013]. Закономерным в этом свете выглядит то, что единственным информантом, использовавшим термин «тайга-мать», был представитель коренного малочисленного народа.

Слабая укорененность подтверждается и следующим наблюдением. В приморском селе денежный оборот домохозяйства несравненно больше, чем в Европейской России. Гораздо выше текущие расходы (на технику, топливо, снасти, оружие, снаряжение, взятки для инспекторов), но выше и доходы; по нашим оценкам, в сухом остатке у людей денег остается больше. Однако скла-

дывается впечатление, что на обеспечение будущего в своем селе расходуется немного. Строится мало новых домов, люди продолжают жить в мазанках или небольших домиках, обшитых асбестовыми листами или сайдингом. Один из информантов объяснил необустроенность быта циклической последовательностью «продал икру — купил машину — пропил остальное — разбил машину — продал икру», однако она не представляется нам универсальной. Можно предположить, что основная причина — уход существенной части денег на содержание живущих в городе детей, а жизнь во Владивостоке определенно дороже, чем, например, в Костроме или Брянске.

Слабая укорененность не позволяет людям воспринимать окружающие природные ресурсы как «свои», тем самым порождая самовосприятие «вора». Интересно, что при этом нарратив временщика в разговорах о природопользовании («возьму у природы сколько мне надо, а там хоть трава не расти») не прослеживался.

2. *Насыщенность пространства чужаками.* Окружающее пространство не может восприниматься присвоенным, если оно насыщено неконтролируемыми нетранзитными чужаками, а таких в исследуемом районе, как и вообще в прибрежных районах Приморья, немало. Во-первых, в сезон сбора кедровой шишки и нереста лососевых сюда стягивается масса промысловиков из соседних неприбрежных районов края и даже из крупных городов. Люди снимают дома, селятся у знакомых или прямо на реке или в тайге.

Сейчас рыба пошла, сейчас будут все на речке. Сейчас будет весь край. [...] Они будут ВСЕ здесь. Тут, как в городе, вот осень начинается, у нас движение, блин, как по Владивостоку. И все, вот я говорю, одни джипы, блин. Такое ощущение, что голодающие, блин (сотрудник полиции).

Во-вторых, на территории присутствуют китайцы — в роли скупщиков всего и вся, лесопереработчиков, работников совместных предприятий, реже заготовителей (например, женьшеня или леса).

И китайцы у нас тут есть, по лесу ходят. Их завозят в лес, они становятся табором и ходят. Не знаю, что они собирают. Ну, наверное, всё подряд. Всё что есть. И тот же женьшень, и грибы те же ищут (юноша примерно 20 лет).

В-третьих, в прибрежных водах курсирует большое количество иностранных рыболовецких судов, в первую очередь — северокорейских шхун (см., напр.: [Островский, 2019]). Во время штормового предупреждения они подают сигнал SOS и входят в бухты. Местные жители в такие дни поднимаются на сопки и считают количество шхун. Нам многократно озвучивались цифры в сотни судов (рекорд — 600 в одном из заливов). Информанты с недоумением отмечают, что корейцев пограничники и государственная морская инспекция почти не трогают, а их прижимают.

Вот на понедельник, у нас, по-моему, тайфун ожидается очень сильный. Там уже начали, видите, кораблики беленькие стоят. Это вот южнокорейские корабли. Завтра-послезавтра, если хотите, приедте. Тут их будет, блин, в последний раз было триста, что ли, триста пятьдесят штук [...]. Якобы кальмара ловят. А так, у них такие же сети, вычерпывают все наши запасы (сотрудник полиции).

Обидно же, елки-палки! Я живу возле речки и рыбы не могу поймать! Те же северокорейцы. Они ловят в нашем море все что угодно, и их никто не трогает. Ни федералы, ни пограничники. Их никто не трогает, и они спокойно рыбачат. А я сейчас пойду на речку — мне тут же скажут: «Пошли. 5 хвостов поймал — всё, уголовное дело» (молодой мужчина).

В-четвертых, на местных предприятиях работает много вахтовиков из других регионов.

Местное общество не в состоянии контролировать чужаков как по причине их многочисленности и отчасти неуязвимости, так и из-за отсутствия своей сплоченности. Для этих мест не характерна ни пространственная изоляция, ни экстремальные природно-климатические условия, которые обычно стимулируют людей к объединению и самоорганизации. Совсем без кооперации прожить тяжело — промышленять (будь то рыба, дичь или женьшень) гораздо удобнее вдвоем-втроем, но в кооперации в масштабах всего сельского сообщества жизненной необходимости нет.

3. *Постоянный контакт с контролирующими инстанциями.* В районе представлена большая часть охотничьих, растительных и водных биоресурсов, характерных для Приморского края. Если не принимать во внимание лес, заготовки которого преимущественно полулегально занимают бизнес-структуры, то наиболее значимыми ресурсами можно признать красную рыбу, женьшень и кедровую шишку. Каждый из них может приносить добычливому и удачливому промысловнику по крайней мере сотни тысяч рублей за сезон (в случае с шишкой, правда, не каждый год).

Инф: Наши вот ходили [искать женьшень], по 400 тысяч взяли, втроем они ходили.

Восприятие человеком своей роли в окружающей природе. Парадокс Приморья

Инт: За сезон?

Инф: Нет, за раз!

Инт: На троих или на каждого?

Инф: На каждого по 400. Повезло им! Повезло! (мужчина средних лет).

Не так давно, года 3 или 4 назад, у меня знакомый спокойно поднял больше мульты. Тупо занимался орехом. Заезжает с утра на своем джипе, набил кузов. Раза 2–3 съездил, домой отвез, потом опять поехал (молодой мужчина).

Меньший, но также вполне ощутимый заработок могут приносить копытные (порядка 300 руб. за килограмм мяса), соболь (до 100 тыс. руб. за сезон), медведь (благодаря продаже дериватов), кабарга (до 30–40 тыс. руб. за мускусную железу). вспомогательную роль играют лимонник, элеутерококк, морепродукты, пернатая дичь, белорыбица и мн. др. Природа как будто специально устроила так, что сезоны добычи разных ценных ресурсов чередуются — следуют один за другим. С начала нереста симы (июнь) до конца сезона охоты на соболя (середина зимы) человек может практически непрерывно добывать доходные дары природы.

Говорить об остром дефиците рабочих мест в районе нельзя. Во многих больших деревнях сохранились (а кое-где даже возникли новые) крупные по сельским меркам работодатели (преимущественно в сельском хозяйстве, марикультуре, бюджетной сфере и в меньшей степени в лесозаготовке и лесопереработке). Часть жителей деревень, где мест для трудоустройства почти не осталось, ездят работать в соседние села в маятниковом режиме. При этом в перспективный сезон промысел природных ресурсов многократно — на порядок, а в некоторых случаях и на два — выгоднее работы. В результате значительная часть мужского населения в нерестовый сезон уходит в отпуск (если потребуется, то и за свой счет) или даже увольняется. На одном массовом мероприятии мы слышали, как представитель местной власти сказал публике примерно следующее: «Сейчас начинается нерест кеты. За один-два месяца вам надо успеть заработать то, на что вы будете жить весь год».

Из всех видов доходных промыслов более-менее легальным является только сбор кедровой шишки. В остальных случаях люди с точки зрения государства занимаются браконьерством.

Да тут все охотники, могу вас к браконьеру отправить, хах! Все они браконьеры, даже самый законный охотник все равно браконьер (егерь охотничьего хозяйства).

А сейчас, видишь, сейчас уже, по-моему, на район ни лицензий не дается, вообще ничего, уже остались одни, короче, браконьеры. Люди по ночам ездят, боятся, но все равно ставят [сети] (сотрудник полиции).

Инт: Сейчас пошел сезон на кету, они все поехали?

Инф: Да, все безработные, вся молодежь, все будут там. Зарабатывать себе штрафы, уголовные дела и все такое (егерь охотничьего хозяйства).

Мы не в силах объективно оценить динамику популяций, но, несмотря на массовую добычу, речь о реальной угрозе исчезновения того или иного ресурса, можно предположить, не идет. Раз люди продолжают, как и 150 лет назад, тратить время на поиск женьшеня, значит, шансы его найти есть. Сегодня, спустя 30 лет после открытия путей массового контрабандного сбыта в Китай, женьшень по-прежнему встречается в таких объемах, что им есть смысл всерьез заниматься. Более того, как показывают наши наблюдения и интервью, люди научились выращивать женьшень на своих огородах и даже, как это делали прежде китайцы [Арсеньев, 1983], культивируют найденные дикие плантации и сажают женьшень в потаенных местах в тайге. Аналогичная ситуация, на наш взгляд, и с лососем — раз люди целыми деревнями перекрывают сетями нерестовые реки, значит, рыбы по-прежнему идет много. И в любом случае, на колебания популяции гораздо большее влияние оказывают промышленный лов и естественные причины. При этом получить официальное разрешение на промысел, как правило, либо невозможно, либо чрезвычайно затратно, либо бессмысленно из-за низкой нормы разрешенной добычи. Даже имея разрешение, не нарушить ни одно из многочисленных правил практически невозможно. В результате подавляющее большинство промысловиков действует неформально.

Разнообразие доступных и ценных ресурсов и территорий с особыми режимами обуславливает плотность контактов с представителями контролирующих служб. В районе задействован едва ли не максимально полный набор контролирующих инстанций, так как там и тайга, и реки, и море, и пограничный режим в море, и федеральная ООПТ, и региональный заказник. Соответственно промысловикам приходится считаться с госохотнадзором, егерями охотхозяйств и охотобществ, инспекторами федеральной ООПТ, лесной охраной, Росгвардией, полицией (включая ДПС), государст-

венной инспекцией по маломерным судам, рыбнадзором, пограничниками (в том числе государственной морской инспекцией). Если в тайге поймать человека трудно (случается это, как правило, лишь в тех случаях, когда инспекторы сами выезжают на охоту), и попадают люди обычно на дорогах, то на воде, особенно большой и открытой, остаться незамеченным практически невозможно. Именно это обстоятельство видится основной причиной, почему в дальневосточных прибрежных местностях многие люди называют свою деятельность по добыче природных ресурсов браконьерством (мы также это фиксировали на Камчатке, а В.В. Симонова и В.Н. Давыдов — на Сахалине [Simonova, Davydov, 2016]). Соболятник в сибирской тайге, даже если действует незаконно, скажет, что он промысловик; заготовитель краснокнижных растений скажет, что он собирает или копает, но вряд ли они станут утверждать, что занимаются браконьерством. В Приморье же такое обозначение переносится с рыбалки и на охоту, и на собирательство.

Как на море, так и на реке рыбакам приходится регулярно иметь дело и, соответственно, договариваться с проверяющими, уличающими их в браконьерстве. В большинстве случаев удается договориться, полюбовно или за мзду (в виде денег, сетей или добычи — «хвостов»). Неудивительно, что инспекторы являются одними из наиболее состоятельных местных жителей. Принципиальность инспекторов в условиях ограниченности других возможностей заработка могла бы привести к росту социальной напряженности и вымыванию населения. В этом смысле необязательность исполнения строгих российских законов играет на руку не только местным жителям, но и, в этом отношении, государству. Однако сам факт, что человека регулярно хватают за руку и говорят, что он нарушил закон, не может не наложить отпечаток на его самооощущение.

Инф 1: Рыбнадзор, напечатать объявление и повесь, чтоб люди знали, что как и где.

Инт: А у вас Рыбнадзор так не делает?

Инф 1: Нет.

Инф 2: А зачем? Проще ж на речке их поймать и уже предъявить по факту.

Инф 1: Чтобы люди знали, какая рыбина сколько стоит, если у тебя нету лицензии, если тебя поймают. У нас этого в деревне не делается! (инф 1 — женщина средних лет, инф 2 — ее сын).

Я говорю, рыбы не поймать! Вообще, вообще обложили со всех сторон! Лес вырезали весь. Нам нельзя выпилить дрова, поехать выпилить, как вот раньше. Всё, нельзя! Хворост ходите собирайте! Выпиливают все и везут в Китай. [...] Жить в это самое и не поймать рыбку — это же вообще идиотизм! Китайцам все можно, нам ничё нельзя! (женщина средних лет).

Это может быть и одной из причин того, что местные жители относительно недоверчивы и негостеприимны: в других регионах, даже если речь шла о браконьерстве, нас приглашали в дом и кормили едва ли не в каждом втором случае; здесь же с каждым это случилось не более 3–4 раз за десятидневную поездку.

При этом мы многократно слышали о том, что штрафы (официальные или в виде взятки) отнюдь не заставляют людей отступить от промысла. В случае с доходной ловлей рыбы во время нереста рыбаки просто «отмахиваются», не замечают наказания. Конфискованную сеть, «отстегнутую» инспектору рыбу, выплаченный штраф они «отбивают» в тот же день. За браконьерскую охоту, ввиду трудности поимки охотника, штрафы выписываются редко, но зато их размер часто исчисляется сотнями тысяч рублей, особенно если речь идет о краснокнижном виде. Необходимость выплаты штрафа заставляет человека активнее заняться промыслом. В этом случае наказание только стимулирует браконьерство.

Препятствует «хозяйскому» самовосприятию и такой фактор, как находящийся под особой опекой российского государства амурский тигр. В местах его обитания в природоохрану и создание соответствующей инфраструктуры вкладываются дополнительные немалые средства. Любые случаи ранения или убийства тигра расследуются с особой тщательностью. Его популяция растёт, он всё больше «таскает» скот, встречи в тайге с ним учащаются. Среди наших информантов были представители охотхозяйств и даже охотинспекторы, которые признавали, что, возможно, в скором времени следовало бы разрешить охоту на тигра, чтобы ослабить пресс на поголовье копытных и снизить частоту выхода «амбы» к деревьям.

Инт: А на вашей территории сколько тигров?

Инф: Около 8 живет. Но на нашей территории вообще их должно быть не больше 6. Их перебор.

Инт: Но популяция растёт?

Инф: Да, если честно, их уже до хрена. Не знаю, куда их столько охраняют (инспектор охотничьего общества).

Восприятие человеком своей роли в окружающей природе. Парадокс Приморья

Пока же боязнь тигра, от которого даже обороняться страшно, поскольку потом не докажешь свою невиновность, присуща многим местным жителям. Они жалуются, что для государства именно тигры являются главными обитателями этих мест.

Заключение

Обитатели слабозаселенных территорий, где природные ресурсы имеют большое значение для жизнеобеспечения, традиционно считают себя либо «хозяевами», либо «сыновьями» природы. Это отличает их от обитателей густозаселенных местностей, даже при самом тесном контакте занимающих позицию простых «пользователей». В Приморье же многие сельские жители называют себя, против привычных представлений, «ворами» природных ресурсов. Предполагаю, что причинами этого служат слабая укорененность населения, насыщенность окружающего пространства чужаками и постоянное давление со стороны контролирующих инстанций. Каждая из причин по отдельности вряд ли привела бы к такому парадоксальному для сельского жителя самовосприятию, однако здесь присутствует их комбинация.

Обоснованность выделения этих предпосылок подтверждается кейсами из других регионов. Например, позже, будучи на Камчатке, я столкнулся с еще одной вариацией восприятия человеком своей роли в природе: выходец из села, представитель коренного народа, без каких-либо наводящих вопросов отметил, что у его односельчан есть ощущение «воровства природных ресурсов у самих себя». Оно кажется вполне закономерным в свете того, что, с одной стороны, укорененность КМНС в местах их обитания не вызывает сомнения и, с другой стороны, для тех краев также характерно активное присутствие контролирующих инстанций и обилие чужаков в виде рыбопромышленных предприятий, практически полностью контролирующих вылов.

Другой пример — взгляд эвенков, живущих у северного побережья Байкала, на рыбную ловлю, ее регулирование и контроль над ней. Занимаясь нелегальной добычей, они утверждают, что имеют на это полное право, а преступными и воровскими являются законы и действия контролирующих органов [Davydov, 2014]. Можно предположить, что себя люди ворами не называют, поскольку отсутствуют две из трех упомянутых предпосылок: в этих местах эвенки укоренены и количество чужаков невелико в сравнении с дальневосточными побережьями в промысловый сезон. В то же время наличие третьей предпосылки — плотного взаимодействия с представителями контроля привело к возникновению «воровского» дискурса.

С учетом разнообразия наблюдаемых вариантов самовосприятия и обстоятельств, его формирующих, представляется, что тема эта имеет большой потенциал для изучения — как на Дальнем Востоке, так и в других регионах.

Благодарности. Участникам студенческих экспедиций — за вклад в сбор и обработку полевых материалов, в особенности участникам экспедиции «Исследование практик неформального природопользования на территории Приморского края» от НИУ ВШЭ Л. Галиевой, П. Донских, М. Ким, Е. Коновой, А. Поповой, Е. Солоненко, Г. Сталинову, А. Черкасову, Т.Н. Журавской — соруководителю экспедиции в Приморский край от Дальневосточного федерального университета. В.Н. Бочарникову (ТИГ ДВО РАН) — за содействие в организации экспедиции в Приморский край. С.С. Селееву — за неоценимую, практически круглосуточную организационную поддержку студенческих экспедиций в рамках проекта НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново».

Финансирование. Проект «Открываем Россию заново» НИУ ВШЭ; проект «Охота и охотники юго-востока Республики Алтай», Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники» (договор № 2017 002); проект «Социальная структура локальных сообществ, пространственно изолированных от институтов публичной власти», Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники» (договор № 2012 004).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов И.В. Бассейн Северной Сосьвы как этнорезерват манси: К социальной и культурной функции ландшафта // Ландшафтоведение: Теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития: Материалы XII Междунар. ландшафтной конф. Тюмень, 2017. С. 261–264.

Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. М.: Правда, 1983. 448 с.

Давыдов В.Н. Неформальное природопользование на Северном Байкале: Добыча биоресурсов в свободных пространствах // ЭО. 2019. № 4. С. 76–88. <https://doi.org/10.31857/S086954150006193-2>

Плюснин Ю.М. Факторы развития местного самоуправления: Оценка значения изоляции и изоляционизма // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 3. С. 38–50.

Плюснин Ю.М. «Свои» и «чужие» в русском провинциальном городе // Мир России. 2013. № 3. С. 60–93.

Позаненко А.А. «Отдельная типа республичка»: Структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. 2018. № 4. С. 31–55. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55>

Позаненко А.А.

Родоман Б.Б. Уровни использования окружающей среды и общение людей в сфере досуга // Рекреация и охрана природы: Научные труды по охране природы. Тарту: Тартуский ун-т, 1981. Вып. 3. С. 15–21. (Учен. зап. Тартуского ун-та; Вып. 495).

Рындина О.М., Колесникова С.Ю., Кулемзин В.М. Время и пространство в самодийской традиции: Календарь и нарта // Вестник ТГУ: История. 2018. № 56. С. 143–150. <https://doi.org/10.17223/19988613/56/19>.

Сем Т.Ю. Природные стихии в космогонической мифологии эвенков Забайкалья и сопредельных территорий: Небесные светила и священные камни // Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах: Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 14–69.

Симонова В.В. Этики тайги: Эвенки Северного Байкала между позитивизмом и локальной стратегией минимума // Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах: Отношения человека и природы в Байкальской Сибири: СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 70–97.

Шевляков Е.А. Структура и динамика нелегального берегового промысла тихоокеанских лососей в Камчатском регионе в современный период // Рыбное хозяйство. 2013. № 2. С. 58–64.

Davydov V. Fishery in 'free spaces': Non-compliance with fishery regulations in a northern Baikal Evenki village // Polar Record. 2014. № 4. P. 379–390. <https://doi.org/10.1017/S0032247414000163>

Oehler A. The care work of balance: Apportioning life in soyot herder-hunter households of the eastern Sayan Mountains // Inner Asia. 2020. № 2. P. 237–254. <https://doi.org/10.1163/22105018-12340149>

Simonova V.V., Davydov V.N. Non-compliance with Fishery Regulations in Sakhalin Island: Contested Discourses of Illegal Fishery // International journal of humanities and cultural studies. 2016. № 3. P. 232–245.

ИСТОЧНИКИ

Островский А. Встречный бой в Японском море: Длительная безнаказанность привела к огневому конфликту // Новая газета. 2019. № 105. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/20/82051-vstrechnyy-boy-v-yaponskom-more> (дата обращения: 28.02.2021).

Pozanenko A.A.

National Research University Higher School of Economics
Myasnikskaya st., 20, Moscow, 101000, Russian Federation
E-mail: apozanenko@hse.ru

How people perceive their role in the natural environment. The Primorye paradox

In the North, Siberia and the Far East, most villagers live in close connection with nature, primarily through using renewable natural resources. However, there is hardly any coverage in literature as to how people position themselves in relation to the surrounding nature. Even when the issue is raised, it addresses only indigenous peoples, and not all local inhabitants without reference to ethnicity. People living in different types of localities tend to have dissimilar perceptions of their role in the natural environment. For urban residents, we propose distinguishing four main self-perception types: *outsider* (stays away from nature), *visitor* (e.g., holidaymakers, athletes, and tourists), *user* (e.g., anglers and gatherers of wild plants), and *protector* (various eco-activists). Residents of small towns and densely populated rural areas tend to perceive themselves mainly as *users*. Where the population density is low and natural resources are vital for sustenance, the basic perceptions are *master* and *son*. *Masters* believe they have exclusive rights to use the surrounding natural resources and claim to be doing it responsibly. Perceiving oneself as a *son* is mostly common for indigenous peoples; their discourse about respect for nature stems not only from a rational, but also sacred attitude. Field research on the east coast of Primorye revealed a self-perception untypical for villagers. Many locals call themselves *thieves* of natural resources. This means the subjective perception, and not objective differences in practices (doing the same thing, a person in the Russian North can consider himself a *master*, in Altai — a *son*, and in Primorye — a *thief*). We propose three reasons for this “Primorye paradox”. 1) Weak rootedness of the local population, spurring its turnover, which, in turn, makes it difficult to integrate into the natural landscape. 2) Saturation of the surroundings with outsiders, preventing to perceive the territory as “one’s own”. The main outsiders are seasonal fishing crews from elsewhere; the Chinese; and crews of North Korean fishing vessels, whom the border guards treat more loyally than the local fishermen. 3) Constant pressure from the supervisory authorities. Primorye has a high concentration of hunting, plant, and aquatic biological resources. Business based on procuring natural resources is profitable, but according to the State, it is mostly illegal. If one can remain unnoticed in the taiga, on the water such chances are next to none. The situation is aggravated by a variety of specially regulated territories (federal and regional protected areas, maritime frontier regime, hunting grounds with different status), which expands the range of supervisory authorities.

Keywords: Primorsky Krai, Russian Far East, human attitude to nature, use of natural resources, appropriating economy, rural areas.

Acknowledgements. To the participants of student expeditions for their contribution to the collection and processing of field data. To Tatyana Zhuravskaya, co-leader of the expedition to PrimorskyKrai from the Far

Восприятие человеком своей роли в окружающей природе. Парадокс Приморья

Eastern Federal University. To Vladimir Bocharnikov (Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences) for his assistance in organizing an expedition to Primorsky Krai. To Sergey Selev for his invaluable, virtually round-the-clock organizational support of student expeditions under the NRU HSE *Rediscovering Russia* project.

Funding. NRUHSE *Rediscovering Russia* project; *Hunting and hunters of the southeast of Altai Republic* research project, *Khamovniki* foundation; *The Social Structure of Local Communities Territorially Isolated from Public Authorities* research project, *Khamovniki* foundation.

REFERENCES

- Abramov, I.V. (2017). The Severnaia Sos'va basin as an ethnic refuge: to social and cultural functions of the landscape. In: *Landshaftovedenie: Teoriia, metody, landshaftno-ekologicheskoe obespechenie prirodopol'zovaniia i ustoichivogo razvitiia: Materialy XII Mezhdunarodnoi landshaftnoi konferentsii*. Tiumen': Tiimenskii gosudarstvennyi universitet, 261–264. (Rus.).
- Arsen'ev, V.K. (1983). *Through Ussuriland. Dersu Uzala*. Moscow: Pravda. (Rus.).
- Davydov, V. (2014). Fishery in 'free spaces': non-compliance with fishery regulations in a northern Baikal Evenki village. *Polar Record*, (4), 379–390. <https://doi.org/10.1017/S0032247414000163>
- Davydov, V.N. (2019). Informal land use in Northern Baikal: Extraction of bioresources in "free spaces". *Etnograficheskoe obozrenie*, (4), 76–88. (Rus.). <https://doi.org/10.31857/S086954150006193-2>
- Oehler, A. (2020). The care work of balance: Apportioning life in soyot herder-hunter households of the eastern Sayan Mountains. *Inner Asia*, 22(2), 237–254. <https://doi.org/10.1163/22105018-12340149>
- Plusnin, J.M. (2008). Factors of Local Self-government Development. Evaluating the Importance of Isolation and Isolationism. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia*, (3), 38–50. (Rus.).
- Plusnin, J. (2013). 'Locals' and 'Aliens' in Russian Provincial Town. *Mir Rossii*, (3), 60–93. (Rus.).
- Pozanenko, A.A. (2018). "AKinda Separate Little Republic": Structural Specifics of Spatially Isolated Local Rural Communities. *Mir Rossii*, (4), 31–55. (Rus.). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55>
- Rodoman, B.B. (1981). Different Levels of the Use of the Natural Environment and People's Social Contacts in Leisure Time. In: *Rekreatsiia i okhrana prirody. Nauchnye trudy po okhrane prirody. Vyp. 3*. Tartu: Tartuskii gosudarstvennyi universitet, 15–21. (Rus.).
- Ryndina, O.M., Kolesnikova, S.I., Kulemzin, V.M. (2018). Time and Space in the Samoyedic tradition: The calendar and the sledge. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, (56), 143–150. (Rus.). <https://doi.org/10.17223/19988613/56/19>
- Sem, T.I. (2016). Natural elements in the cosmogonic mythology of the Evenks of Transbaikalia and adjacent areas: Celestial bodies and sacred rocks. In: V.N. Davydov (Ed.). *Ogon', voda, veter i kamen' v evenkiiskikh landshaftakh: Otnosheniia cheloveka i prirody v Baikal'skoi Sibiri*. St. Petersburg: MAE RAN, 14–69. (Rus.).
- Shevliakov, E.A. (2013). Structure and dynamics of coastal illegal fishing of Pacific salmon in Kamchatka nowadays. *Rybnoe khoziaistvo*, (2), 58–64. (Rus.).
- Simonova, V.V. (2016). Taiga ethics: Evenks of the Northern Baikal between positivism and the local minimum strategy. In: V.N. Davydov (Ed.). *Ogon', voda, veter i kamen' v evenkiiskikh landshaftakh: Otnosheniia cheloveka i prirody v Baikal'skoi Sibiri*. St. Petersburg: MAE RAN, 70–97. (Rus.).
- Simonova, V.V., Davydov, V.N. (2016). Non-compliance with Fishery Regulations in Sakhalin Island: Contested Discourses of Illegal Fishery. *International journal of humanities and cultural studies*, (3), 232–245.

Позаненко А.А., <https://orcid.org/0000-0002-5151-965X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 30.05.2022

Article is published: 15.09.2022